

Вопрос о том, что же собственно мы будем праздновать в 1998 году, году 100-летия со дня рождения МХТ, так или иначе уже муссируется и в прессе, и в театральных кулуарах. К болтовне о том, что ефремовскому театру нечем достойно встретить эту дату, что театр доронинский непременноотреагирует на нее какой-нибудь каверзой, что по случаю юбилея Ельцин снова сольет два театра в один, чтобы не путаться, добавляются все новые сплетни о "сопутствующих обстоятельствах", задействованы даже мистики и предсказатели.

Вопрос, по-моему, риторический, и ответить на него крайне просто: в 1998 году мы будем праздновать 100-летие режиссерского профессионального театра в России и 100-летие идеи Художественного Общедоступного театра, грандиозность, которой в истории русского сценического искусства еще никто не опроверг и уже не собирается. Вопрос же о том, чем будем удивлять друг друга и публику в присутствии великих теней, волен задавать себе самостоятельно каждый — актер, режиссер, критик. Или должен. Если, конечно, хочет.

Документальный фильм Владлена Давыдова и Тамары Евенко, посвященный как раз 100-летию МХАТа и названный свежо и нервно ("Если бы знать..."), внес в эти околomorphicкие беседы здоровую траурную ноту. Хроника в фильме ошеломляет. Умиляет, смущает, радует, трогает до слез. Ее много. Она чудо как хороша. Знакомая, полужаночная, надо же — совсем незнакомая! Она придвигает к нам эпоху вплотную. Даже старушка Книппер, шаловливо грозящая пальчиком юному красавцу В.Давыдову, который стоит перед ней на коленях, рассказала мне о себе и своих ролях больше, чем иные свидетельства очевидцев.

Однако в фильме ошеломляет не только хроника. Ошеломляет комментарий к ней и просто-таки революционный монтаж. Фильм снят как бы в жанре элегии. Печаль этого скорбного "импрессионизма" как бы светлая. Нас, очевидно, пытаются погрузить в философские думы о вечном, навсегда покинувшем земную юдоль. Но погрузиться никак не удастся, потому что рот все время открыт и можно воды наглотаться. "Легендарная сказка", как заявлена история МХАТа В.Давыдовым, не

выглядит на экране ни сказкой, ни ее опровержением. В ней вообще мало просматривается какой бы то ни было сюжет, кроме лермонтовского ("Да, были люди в наше время" и так далее). В остальном — цепь случайностей, банальностей, апокрифов, необязательных (для творчества) подробностей.

Например. Камера панорамирует старую Москву. Хронику за кадром сопровождает сцена из "Царя Федора". На реплику Москвина "Князь Шуйский удавился?" начинается хроника похорон Станиславского. Пока в кадре испуганный, удивленный, внявший Немирович кланется над гробом, за кадром нам рассказывают о его мистическом даре предвидения, о том, как он сорвался из-за границы в Москву, хотя ничего не знал о смерти Станиславского, и как успел-таки к выносу тела. Когда нам напоминают, сколько часов проговорили отцы-основатели в "Славянском базаре" (о чем — ни полслова), захочется что-нибудь услышать о вешалке, с которой начался театр.

Потом на хроникальные кадры старого здания театра в Камергерском и фотографии мхатовских старых актеров будет наложен монолог Нины Заречной в исполнении Анастасии Вертинской: "Я одинока... мой голос звучит в этой пустоте уныло, и никто не слышит". Как-то сразу поймешь, отчего артистка, сыгравшая Мировую Душу, покинула ныне здравствующий театр. Потом пойдет хроника парада на Красной площади, проскачет Красная конница, пронесут портреты Сталина, покажут мхатовцев на демонстрации — и голос Тиль-Тили почти зарыдает за кадром: "Мертвые! Они мертвые! Кто их сделал такими!" Но, как и следует по пьесе "Синяя птица", мальчика утешат и пообещают ему найти птичку другую, живую. Потом, довольно долго, нам будут показывать Качалова, кокетливо позирующего перед камерой, и его поклонников, а за кадром расскажут ну просто самую интересную историю о гениальном актере — как из Шверубовича он превратился в Качало-

гриме Эрика XIV. Потом несравненная С.Пилевская будет рассказывать, как "все они умирали", один — на сцене, другой — около, третий — через день после спектакля. Потом на реплику А.Гончарова "Я увидел их всех на погосте" пойдет "Соло для часов с боем". А к финалу нам продемонстрируют мхатовский иконостас уже полностью — и Ольга Прозорова за кадром скажет: "Мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было", Будет, конечно, и знаменитое про музыку, которая играет так весело, и про то, что все-таки помянут нас добрым словом, но досада, которую фильм вызвал, уже не рассеется.

Для кого было огород городить? Если для обыкновенного зрителя (сегодня довольно беспамятного), то он заслужил бо-

лее внятного рассказа о творческих людях, стоявших у истоков самого знаменитого театра в России и слышном многое в нашем искусстве определивших. Вместо этого зритель получил мигрень, и в голове его сделалась каша. Ни один из спектаклей, мелькнувших перед его глазами, не был подписан, ни одному из лиц в кадре (за исключением и без того известных) не была придана фамилия. Если же фильм делался все же в расчете на профессионала, способного играть в эти бирюльки, угадывая, кто есть кто и что есть где, то к чему было добавлять к этому текстовые банальности и выжимать ностальгическую слезу?

Если так получилось случайно. Бог простит. Если намеренно, позвольте уж дареному коню в зубы все-таки глянуть. Возможно, рсквием и мог бы прозвучать в такую минуту, но мелодии должны были бы быть посложней.

Короче, опять хотели как лучше. А вышло — как с фотографией театра 1900 года (каким-то дуриком история о ней влетела в этот сюжет). На фотографии, как известно, среди прочих артистов был Мейерхольд, а потом пропал. Его заретушировали и заменили зонтиком.

Наталья КАЗЬМИНА

Вместо Мейерхольда — ЗОНТИК

ва. Видимо, за счет этой Информации придется сократить сцену его действительно гениально сыгранного Барона. А почему было не рассказать о других родственных связях мхатовцев? Не раскрыть иные псевдонимы? Братьям Москвину и Тарханову вовсе не повезло, их просто склеили встык, да так, что я до сих пор сомневаюсь, видела ли я обоих или только одного.

Грубые склейки без особой логики переводят разговор в фильме с Книппер на Шостаковича, с Шостаковича на М.Чехова. "Сверхзадача" ясна все меньше и меньше. Не успеет В.Виленкин, как взволнованный мальчик, объявить, что не спал две ночи, увидя Чехова в "Гамлете", как нам продемонстрируют портрет актера в

Экран и сцен -
№ 46 (410),
мз. - 1994 - 13 -
- 20 мая 15. - с. 6.